

Ночь в Годриковой Впадине выдалась на редкость тихой.

В гостиной дома Поттеров еще горел теплый свет — Флимонт и Юфимия уже разошлись по спальням, и наверху, в комнате на втором этаже, остались только Сириус и Джеймс.

Спальня Джеймса была завалена плакатами с квиддичными матчами и магловскими рок-пластинками — если быть точным, теми самыми рок-пластинками, которые Сириус в прошлый раз забыл у него.

Сириус сидел у окна, откинувшись на спинку стула и сместив центр тяжести далеко назад. Стул опирался о пол лишь двумя задними ножками, слегка покачиваясь в такт дыханию — казалось, он вот-вот опрокинется, но равновесие каким-то чудом сохранялось безупречно.

Кончиками пальцев он вновь и вновь гладил пластинку, привезенную из магловской лавки. Его туманно-голубые глаза были опущены, скользя по звуковым дорожкам винила, а в уголке рта затаился мягкий изгиб — неуловимый даже для него самого.

Он молчал. Был тихим совсем не в своем репортаже.

Джеймс сидел за письменным столом, возился с купленной недавно магической скейтбордой.

Скейт достался ему в «Сладостях и шутках Зонко» — в инструкции говорилось, что стоит дважды топнуть по нему ногой, как он взмлет в воздух, но Джеймс топал уже раз двадцать, а доска не двигалась с места, храня молчание куска обычной, не умеющей летать древесины.

Он перевернул скейт, изучая вырезанные на обратной стороне рунические письмена, и снова стукнул по нему пару раз. Никакой реакции.

Он бросил на Сириуса несколько косых взглядов. Первый взгляд: Сириус смотрит на пластинку.

Второй взгляд: Сириус все еще смотрит на пластинку.

На третий раз Джеймс окончательно потерял терпение.

Он отбросил скейт в сторону, поддвинулся ближе и толкнул Сириуса плечом.

— Эй, Сириус, — с озорной улыбкой протянул Джеймс. — Ты с самого возвращения только и делаешь, что пялишься на эту паршивую пластинку. Душу дьяволу продал, что ли?

Он вытянул шею, заглядывая приятелю в лицо, а его глаза за стеклами очков так и бегали,

широко распахнувшись.

— Выкладывай — неужто всё думаешь о той девчонке, что встретила нам сегодня на рынке?

Сириус поднял взгляд.

В его глазах не было ни тени смущения от того, что его раскусили; напротив, во взгляде читалась праздная насмешка. Он продолжал покачиваться на стуле, а голос звучал небрежно и легко.

— Угу.

Всего один слог. Брошенный так легко, будто это сущая мелочь.

Но едва произнес его, он перестал раскачиваться. Обе ножки стула надежно опустились на пол, издав глухой стук.

Джеймс издал громкое «о-го-го» и вмиг воодушевился.

Он окончательно сплавил скейт под кровать, уселся на кровати по-турецки, упершись руками в колени, и его глаза засияли.

— Ну-ка, колись, — потребовал он. — Что за птица? Впервые вижу, чтобы кто-то так запал тебе в душу.

Сириус помолчал какое-то время. Он смотрел на пластинку в своих руках: гитара в огне на ее обложке казалась в тусклом свете не такой уж раскаленной.

— Она играет рок, — произнес он.

Эти слова он вымолвил едва слышным шепотом, будто делился величайшей тайной.

Джеймс подался вперед, едва ли не прижавшись ухом к его лицу.

— Девчонки в ее возрасте — будь то волшебницы или магловки — сплошь играют на пианино или скрипке, такие благовоспитанные. А эта брякает на бас-гитаре. Дикая донельзя.

Сириус замолк на секунду, вновь уставившись на бороздки винила, словно выискивая в них воспоминания.

— И к тому же она чертовски хороша собой.

— Насколько хороша? — допытывался Джеймс с нетерпением дознавателя.

Сириус не удостоил его взглядом. Его голос упал до тихих нот, звуча так, будто он говорил сам с собой.

— Как ее бас — дикая. И при этом до жути красивая. Никакой сопливой нежности, ни капли жеманства.

Джеймс слушал его, цокая языком от изумления. Он склонил голову набок, разглядывая Сириуса так, будто перед ним предстал невиданный доселе зверь.

— Ого, и это наш мистер Блэк расточает такие похвалы, — протянул он с нарочитым усердием.
— Насколько же она красива? Скажи на милость, хоть красивее Лили?

В сердце Джеймса Лили Эванс навсегда осталась самой ослепительной и прекрасной девушкой на свете.

Произнося это, он бессознательно провел мысленное сравнение, а в его голосе сквозила доля задора: мол, ну-ка, послушаю, что ты ответишь.

Сириус ответил без малейших раздумий.

— Красивее Лили.

Сказано это было с такой уверенностью и серьезностью, без единой заминки, будто он констатировал очевидный факт: сегодня хорошая погода или квиддич — лучший вид спорта.

Окончив фразу, он даже сам на секунду замер.

Джеймс вытаращил глаза. Его рот округлился до идеальной буквы «О» — впору запихнуть шоколадную лягушку.

— Да ладно тебе, Сириус, — он протянул руку и постучал Сириуса по лбу, проверяя, нет ли у того жара. — Ты серьезно считаешь, что кто-то может быть красивее Лили?

Он плюхнулся обратно на кровать, сменив выражение лица на совершенно изумленное — вид у него был такой, будто он только что застукал Снегга за исполнением чечётки.

— Пропал ты, братец, — покачал головой Джеймс. — Похоже, она тебя околдовала

окончательно: и душа улетела, и мозги набекрень!

— Я даже не знаю, как ее зовут, — возразил Сириус. — Знаю только, что она играет рок и фанатеет от магловских виниловых пластинок.

Он сделал паузу, и его голос упал почти до шёпота, сделавшись еле слышным.

— Но... чертовски занятная.

Наблюдая за его отрешенным видом и попытками делать безразличную мингу, Джеймс тут же лукаво ухмыльнулся.

— Ну ты даешь, Сириус, признайся же, запал! В следующий раз встретимся — я сам помогу тебе с ней заговорить!

Сириус бросил на него ленивый исподлобья взгляд.

Кончики его ушей порозовели — к счастью, бледная кожа позволяла многое скрыть, но не это.

Легкий румянец медленно пополз от мочек вверх по ушным раковинам, расплываясь, как чернила по рисовой бумаге.

Стул снова зашатался. Передние ножки оторвались от пола, раскачиваясь вперед и назад быстрее прежнего. словно сию минуту что-то утаить.

— Да ни черта я не запал, — фыркнул он с напускным равнодушием. — Просто считаю ее... необычной, не более.

Произнося слово необычной, он сорвался на хрипотцу — звук вышел точно соринка, прилипшая к винилу, отчего игла при проходе едва заметно закрипела.

Джеймс ни капли не поверил в это притворство. Он дружил с Сириусом уже пять лет — нет, был ему братом — с того самого момента, как в Хогвартс-экспрессе они впервые поделились пакетиком драже Берти Ботт. Он прекрасно знал: чем тверже у Сириуса Блэка слова, тем мягче его сердце.

Джеймс хлопнул себя по бедру, расплывшись в улыбке до самых ушей.

— Чего ломаешься! Будто я тебя не знаю. Как раз знаю пару отличных живых клубов в Лондоне, на выходных потащу тебя туда — глядишь, и на их выступление нарвемся.

Он подмигнул, и на его лице отчетливо читалось выражение «я-то все про тебя понял».

— Дам тебе шанс снова повидать ту самую рокершу, что «красивее Лили».

Сириус на полсекунды прервал свои покачивания на стуле.

Передние ножки повисли в воздухе и замерли, будто на них наложили заклятие оцепенения.

— Пф, как хочешь, хочешь — иди, — он отвел взгляд, дернув уголкам рта, а тон его стал беззаботным, словно он обсуждал прогнозируемую погоду.

Помолчав, он добавил: — Я вообще-то собирался просто по пути прикупить пару пластинок.

Говоря это, он не смотрел на Джеймса.

Потому что его глаза неотрывно глядели на ту самую пластинку.

Гитара в огне на обложке горела, горела — и вдруг превратилась в силуэт девушки.

Бордовые волосы, оливково-зеленые глаза и вцепившиеся в его воротник сердитые, властные пальцы.

Джеймс видел все насквозь, но лишь усмехнулся про себя, не став докапываться.

Он слишком хорошо знал Сириуса.

Этот парень с малых лет не менялся: язык — крепче булыжника, а уши — багровые, как вареный рак.

Он отлично заметил, как при слове по пути у Сириуса уши покраснели еще на один тон ярче — даже сильнее, чем в тот раз, когда тот впервые попробовал огневиски.

Джеймс уже собирался продолжить подначки, как вдруг из окна повеяло вечерним ветерком.

Занавески раздулись парусом, превратившись в огромный белый шар.

Влетевший порыв затрепал лежащие на подоконнике обложки пластинок, и один из рок-постеров с загнутым краем забарабанил по стеклу: шлеп-шлеп, словно стучась в голову погруженного в молчание человека.

Взгляд Сириуса машинально скользнул в ту сторону.

Не дав Джеймсу шанса снова подразнить его, он первым сменил тему. Голос его звучал ровно и гладко, но в нем проступало легкое волнение, уловимое лишь тем, кто знал его все эти пять лет.

— Кончай нести чушь, — бросил Сириус. — Если на выходных мы не попадем на их выступление, я твой волшебный скейт скормлю акромантулам из Запретного леса.

Джеймс уже было разинул рот для громкого ответа — смешок уже подступал к горлу, — но вдруг что-то увидел и моментально проглотил этот смех.

Он заметил руку Сириуса, опущенную вдоль тела.

Та рука лежала на подлокотнике стула, пальцы чуть подрагивали, а подушечки бессознательно, снова и снова — словно касаясь чего-то бесценного — очерчивали край конверта виниловой пластинки.

Разве так выглядят те, кто просто «думает о пластинках»?

Да в его мыслях и глазах жила исключительно та самая рыжеволосая девчонка с бас-гитарой.

Джеймс подавил смех и просто улыбнулся.

Чуть заметно, но искренне. Он ничего не сказал, вытащил из-под кровати магический скейт и снова топнул по нему пару раз. Доска по-прежнему не летела.

Но ему уже было всё равно.

<http://bllate.org/book/22381/2348028>